

An illustration of three people in a wooden boat on a green sea. A man in a blue shirt and brown shorts stands at the stern, holding a long wooden pole. A boy in a green striped shirt sits in the middle, also holding a pole. A woman with short grey hair, wearing a red dress, sits at the bow, holding a large, ornate white lace umbrella. The sea is green with some dark patches, and the sky is blue with white clouds. The text is overlaid on a yellow rectangular background in the upper right corner.

Андрей Сорокин

БАБУШКА,
ДЖИМ
МОРРИСОН
И Я

ОТ ФАНТАСМАГОРИИ К ДРАМЕ

Андрей Александрович Сорокин
Бабушка, Джим Моррисон и я
Серия «Все счастливые семьи.
Российская коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74681326

Бабушка, Джим Моррисон и я:

ISBN 978-5-389-35319-0

Аннотация

Когда ты младший брат, проще жить, потому что знаешь, где искать ответы на все вопросы, – так считает герой этой книги. Поэтому у него есть старший брат Джим – штурман на их пиратском корабле. А еще – бабушка, которая слушает Элвиса Пресли.

Такой компанией можно играть в футбол и стрелять из лука в деревянный соседский забор, прыгать через лужи, гулять по радуге и танцевать рок-н-ролл. Но даже не догадываться, что у бабушки когда-то была жизнь, достойная экранизации. А сейчас – всего лишь воспоминания, которые надо сохранить.

Андрей Сорокин

Бабушка, Джим

Моррисон и я

Посвящается бабушкам, которых с нами нет

© Сорокин А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Я умею разговаривать с мертвыми. Это и дар, и проклятие.

Вчера бабушка зашла в комнату и спрашивает: «Как ты, сынок?» Спрашивает глазами, улыбкой, всем своим существом. Она меня всегда так называла. Сначала, после смерти родителей, робко. А потом как будто все больше осознавала, что теперь осталась мне вместо матери, раз никого больше нет. Я нисколько не удивился ее вопросу. О чем же еще могут говорить родные люди, если давно не виделись? Рассказал что мог. Вернее, то, что она могла понять из своей потусторонней реальности.

«Джима заперли в клетке проклятые копы!» – У бабушки были украинские корни, но нас она звала американскими именами. Брата она именovala Джимом в честь любимого Моррисона. Откуда она его знала – большая загадка.

Мне казалось, что бабушка всю жизнь прожила в деревне. А там – сначала в колхозе, без паспортов, потом в совхозе, но

тоже без всякой свободы. Не было ничего. Ни передвижений по миру, ни впечатлений от жизни, ни удивлений от каждого дня. Мне казалось, что все передвижения бабушкиной молодости ограничивались деревенским двором – коровником, сараем и огородом. Путешествие до фермы и обратно. Еще один маршрут – до реки и до клуба. На реке – купания и стирка. В клубе – танцы под гармонь в редкие выходные дни. Какой Моррисон?! Какой Джим?! Откуда любовь к этой музыке у человека, который слышал только народные песни на пьяных посиделках и подвывания мычанию коров?

Так я думал, пока не узнал настоящую историю бабушки.

Когда бабушка входит в мою комнату, я всегда спрашиваю об этом. Но она делает вид, что не слышит вопроса. Я прощаю. Она не слышит многих моих вопросов. Почти никаких. Потому что бабушка давно умерла. А привидения не разговаривают, они только смотрят и бесшумно танцуют рок-н-ролл.

Прошло много лет, но звуки бабушкиного рок-н-ролла мне еще слышны. Так же как и звуки прошедшего детства.

– Вчера на нашем Барбадосе штормило. – Эту сводку погоды читает Джим. – На берег выбросило большого кита. Он лежал до тех пор, пока рыбаки не вытащили Иону из его чрева.

– А Иона после всего этого остался жив? – спрашиваю я.

– А что ему сделается? – возникает бабушка из ниоткуда. – Пузо у кита такое огромное, что в нем можно на велоси-

педех кататься и дрифты на поворотах делать. Знала я одного Иону, он бы в пузе у кита всю жизнь просидел, если б ему волю дали. – Потом она вздыхает и выдерживает долгую паузу. Мы с Джимом растерянно молчим. Я думаю, что прямо сейчас у бабушки перед глазами проносится ее героический Иона, улыбается ей, машет широкой ладонью из своего потустороннего мира, посылает воздушный поцелуй сквозь заросшее густой бородой лицо. Глаза бабушки спокойны, она смотрит куда-то вдаль, а потом, шумно выпуская дым своей вонючей папиросы, медленно продолжает: – Только в ваше время уже нет таких китов.

Джим начинает кашлять, он не выносит дыма, мне становится тоскливо, я выхожу в кухню, чтобы открыть окно и проветрить. В комнату врывается весенний ветер, он северный. Становится холодно ногам, и я наклоняюсь, чтобы найти под диваном войлочные домашние тапочки.

Барбадос – наша большая мечта. Мы с Джимом всегда следим за погодой на острове. Он второй год ведет свой дневник наблюдений. Если на улице солнечно – рисует солнце, если дождь – черную тучу. Солнц в дневнике Джима гораздо больше. Однажды он разбудил меня рано утром, на улице было темно – зимой рассветает поздно. В его глазах блеснула тревога.

– Что-то случилось? – спросил я спросонья.

– Да, – сказал он и раскрыл свой дневник наблюдений. В центре страницы красовалась большая черная клякса.

– Что это?

– Ужасный шторм, Барбадос под угрозой.

По спине у меня прокатились мурашки, а в животе что-то начало громко урчать. Так бывает всегда, когда я чего-то сильно боюсь.

– Я не знаю, насколько он сильный, – продолжал брат. – Может, десять баллов, может, двенадцать. Но многие погибли.

Я понятия не имел, как измеряется сила шторма. Но в этот момент мне стало страшно. Это странное ощущение. Предвидение беды, которую невозможно остановить. В детстве ты можешь все, в игре ты – властелин и повелитель, а если все всерьез? Что тогда?

– Ты откуда знаешь? – спрашиваю я, протирая глаза и стараясь всеми силами почувствовать реальность.

– Знаю, – уверенно говорит Джим, а когда он уверен, нет смысла не верить ему.

Волны катятся на берег сильнее, становятся все выше и жестче. Ветер усиливается. Туча из дневника разрастается на глазах. Откуда-то повеяло холодом. Северный ветер в наших широтах бывает так редко, что все уже забыли, что такое теплые вещи. Самой теплой была клетчатая фланелевая рубашка, которую носил старый пират тысячу лет назад. Рубашка хранится на дне старого чемодана, а чемодан – под кроватью бабушки. С тех пор как он улетел в звездные дали, никто не касался дедушкиных вещей. И вот теперь рубаш-

ка пригодится. В нее одну можно укутать все человечество Барбадоса. Хорошо, что людей там мало: сейчас не сезон. И все равно жаль тех, кто погибнет от неминуемого шторма.

– Такого еще никогда не случилось. – Джим прислушивается к ветру, который шумит за окном. – Слышишь, он и до нас долетает.

Мы замираем, и я представляю, как над маленькой планетой кружится огромный ураган. Смеется с неба невидимый властелин, который по какой-то неведомой нам причине захотел уничтожить маленький остров, а может, и всю планету.

– Что будет с нами? – спрашиваю я Джима, и чувствую, как тоненькая струйка пота катится вдоль позвоночника. Кровь прилила к лицу, а в скулах почувствовалась тупая ноющая боль. Говорить трудно. Но я уверен, что брат разделяет мой испуг и понимает с полуслова.

– Мы останемся, – решительно говорит он, нахмутив брови. – Останемся, потому что тут без нас никто не справится. На Барбадосе точно никто. Им никто не поможет, кроме нас.

– Слава Богу, – говорю я, совершенно не представляя в этот момент, какому Богу воздавать хвалу за то, что мы останемся в живых. Может, тому, который нарисован у бабушки на старой бумаге, на полке, в углу кухни? Туда трудно заглянуть, потому что высоко и пыльно. Бабушка старая и протирать там пыль ей не под силу, а мы еще маленькие, чтобы дотянуться до Бога. Ничего, я точно знаю, что подрастем и станем с бабушкиным Богом наравне.

– Что там сейчас?

– Чернота, – отвечает Джим, посмотрев на тучу в своем дневнике. – Все расплзается.

– А потом? – осторожно спрашиваю я.

– Потом все будет хорошо, – отвечает он. – Нужно немножко подождать.

Ждать мы с Джимом умеем. Научились, когда болели корью в прошлом году. Бабушка называла это «нашим домашним адом». Мы оба, в красной сыпи с головы до ног, валялись на кроватях с высокой температурой в полубреду. Я бредил красной пожарной машиной. Иногда казалось, что я еду за рулем, а временами я, как огромный великан, играл этой пожарной машиной, проводя ее по улицам города, громко сигнали и на полной скорости объезжая препятствия. Джим бредил пустыней, потому что часто просил пить и все время говорил, что ему жарко. Нас осматривала угрюмая врачиха Зинаида Николаевна. Она никогда не улыбалась, но в этот раз все было понятно. Чему улыбаться, когда перед тобой два брата, горящих высоченной температурой, оба в красной сыпи и с опухшими глазами. Врачиха залезла в горло холодной железной пластинкой – а это неприятно. Тогда после этого осмотра мне стало очень холодно, я залез под свое красное ватное одеяло и оттуда одним опухшим глазом наблюдал за происходящим. Зинаида долго что-то писала в своих бумажках. А когда Джим спросил: «Что теперь делать?» – она показала на кучу медицинских рецептов.

тов и сказала: «Пить и ждать». Так мы научились ждать. Это наш первый урок в непростом деле.

Сейчас я вспоминаю об этом с улыбкой. Чего мы только не ждали в той своей пока короткой жизни. Ждали, когда наступит зима, потому что она очень долго не хотела приходить и дразнила нас хлюпающей грязью под ногами и тонким льдом, которым затягивались по утрам лужи. Ждали подарков под елкой, потому что подарки никогда не бывают такими, каких хочется. Ждали, когда бабушка придет с работы, потому что она работала до поздней ночи, но обязательно приносила нам какие-нибудь вкусности. Ждали, когда наступит утро, потому что во время зимней бессонницы самое тягостное – это проснуться в темноте. Теперь нужно немного подождать, когда все будет хорошо на нашем Барбадосе, – это даже не испытание, это просто развлечение для властелинов далекого мира.

Пока я размышляю об ожидании, Джим, не отрываясь, смотрит в свой дневник наблюдений.

– Ну, как там? Что-нибудь изменилось? – спрашиваю я.

– Подожди, – снова говорит Джим, напряженно разглядывая огромную тучу в раскрытой тетради.

– А сейчас? – спрашиваю я через пару молчаливых секунд.

– Еще немного, – говорит он сквозь зубы. – Кажется, рассеивается. Дай-ка ластик!

Я встаю с кровати и иду к письменному столу. Где-то

здесь, под разбросанными книжками, игрушками и всякой дребеденью должен лежать белый ластик. Я нахожу его в руках у робота из конструктора. Робот безропотно отдает ластик, ни один мускул не меняется на его лице. Бездушный кусок пластика, а мог бы посочувствовать нашей с Джимом беде. Ластик я отдаю брату, стараясь сохранять такое же спокойствие, которое демонстрирует он. Правда, руки его немного дрожат, я вижу. Он берет ластик и начинает быстро тереть свой рисунок. Туча исчезает на глазах.

– Все, – облегченно выдыхает он. – Спасли!

– Слава богу! – говорю я. И чувствую, как в этот момент дышать мне становится вправду легче. Солнечные лучи уже пробиваются сквозь занавески. Наступило утро.

Такие случаи с Барбадосом бывают нечасто. Иногда Джим – ответственный за Барбадос. В один из осенних дней его таким назначила бабушка. Когда мы рассказали, что у нас есть своя страна, бабушка несколько не удивилась. Хотя мы, конечно, ждали удивления, вопросов и всего остального. Не у каждого человека есть своя страна, наверняка положено удивиться, когда узнаешь об этом. А бабушка и бровью не повела.

– Как там дела? – спросила она с совершенно серьезным лицом.

Нам пришлось все рассказать о Барбадосе. Бабушка была первой, кого мы посвятили в тайную страну.

– На Барбадосе есть губернатор, – кричал я.

– Вовсе нет, – кричал Джим. – Там король!

– Ну ладно. Король! – соглашался я.

– А кто король? – спрашивала строгая бабушка.

– Я, конечно! – кричал Джим.

– А я кто же? – спрашивал я.

– Ты – помощник короля! – отвечал Джим.

– А как там обстоят дела с макаронами? – Этот бабушкин вопрос поставил нас в тупик. – А в каком режиме работают ваши барбадосские синхрофазотроны? А умеют ли на Барбадосе синтезировать полипептидную цепь из аминокислот на рибосомах с участием молекул матричной и транспортной рибонуклеиновой кислоты?

Если и существует на свете контрольный выстрел в голову при казни невинных душ, то бабушкин вопрос был таким выстрелом. Я мгновенно почувствовал головную боль, защемило в висках, и в глазах потемнело. А брат ничего, держался. Даже на несколько минут нахмурил лоб, чтобы подобрать нужные слова для ответа. Но именно на несколько секунд его и хватило, потому что примерно на втором предложении бабушкиной тирады смысловую нить он потерял. Оставалось только дослушать до конца и сдаться. Но не таков король Барбадоса, страны вечной радости и яркого солнца.

– Да! – выпалил он, усилием воли разгладив складку на лбу. – Да! – повторил он. – Дела у нас хорошо. Режим соблюдается. И умеют наши умельцы все что захочешь!

Джим был моим старшим братом, и я привык верить ему

на слово. Особенно во всем, что касалось выдуманных миров. Потом, когда я вырос, понял, что никаких иных миров не существует, а существует теория относительности. Сегодня ты относительно мертв, а завтра относительно жив. Или наоборот. Само осознание этой теории дает ключ к вечной жизни и общению с предками. Если ты чего-то не видишь воочию, вовсе не значит, что этого не существует.

Когда ты младший брат, проще жить, потому что знаешь, где искать ответы на все вопросы.

Когда на реке сошел лед, мы решили отправиться в кругосветное плавание. Свет, масштабы которого мы могли оценить без погрешностей, ограничивался двором, берегом реки и пустырем за домом. Хотелось большего. Каждому понятно, что если река куда-то течет, то она течет в бесконечность. Если представить, что где-то есть гигантская запруда, то рано или поздно она переполнится через край и начнется катастрофическое наводнение. Ной, который спасался от Вселенского потопа, и тот не стал бы давать советы, как выжить в этом случае. Мы спросили у бабушки, была ли река в ее детстве, она ответила, что была. Значит, если река течет до сих пор, она течет в бесконечность, иначе куда? Ну, например, она впадает в океан. Но и океан за то время, пока бабушка состарилась, должен был переполниться. Истории про испарение и дождь – настоящие сказки. У нас не так часто идут дожди, по крайней мере, океан с неба еще ни разу не пролился. Даже бабушка не помнит такого. Одним словом,

бесконечность существует именно там, куда течет река.

Когда на реке сошел лед, мы начали строить корабль. Джим, как всегда, поручил это мне.

– Я не умею, – честно признался я.

– Ты и ложку держать не умел! Но научился! – парировал брат.

Спорить я не стал, он, как всегда, прав. Подумав, я согласился, что вообще-то это настоящее научное открытие, способное перевернуть наше представление о реальности. Если мы найдем место, где живет бесконечность, то, наверное, нам дадут кучу денег и мы сможем безбедно жить до самой старости.

– Мы тогда вообще никогда не умрем, – резонно сказал брат. – Мы что, совсем, что ли, дураки, чтобы умирать с полными карманами денег!

В какой-то момент я усомнился, разум в то время давал мне иногда поводы для беспокойства. А есть ли вообще это самое место, куда течет река?

– Включай логику, друг. – Он похлопал меня по плечу. – Открой любую книгу, у кого хочешь спроси. Все знают, к примеру, исток Волги или Амазонки. И про исток Миссисипи всем известно! Так?

Я кивнул, хотя мне ничего известно не было. Но предположить, что истоки есть, я, конечно, мог. В то время о многом, что существует на свете, я мог только предполагать. Впрочем, как и сейчас.

– Но, если ты спросишь, куда именно течет Амазонка, Волга или наша Рыбица, тебе никто не ответит! Никто! А знаешь почему?

– Почему? – спросил я.

– Потому что никто не знает! Мы будем первые.

В этот момент у меня зачесалось в носу. Такое происходит в самый неподходящий момент. Тогда, когда нужно преисполниться важности и сказать что-то монументальное, в носу страшно чешется и хочется чихнуть. Я так и сделал. Чихнул, и в голове мгновенно стало ясно, а на глазах выступили слезы.

Лодку мне строить не пришлось. Она нашлась на берегу нашей реки. Река называлась Рыбицей.

– В детстве мы там руками ловили вот таких рыб, – рассказывала бабушка и широко разводила руки. – Бывало, выловишь щукенцию, и сразу в кастрюлю. Получалась уха! Вкусная-а-а-а!

Она так долго тянула последний звук, зажмурив глаза и причмокивая, что каждый раз, когда я слышал историю про Рыбицу, мне сразу хотелось попробовать этой ухи.

– Скажи, ба, – спрашивал Джим. – А почему рыбный суп называется «уха»?

– Потому что, когда ешь его, рот от удовольствия растягивается от уха до уха!

Я верил бабушке, даже не вдаваясь в рассуждения о словесных ударениях. И в тот момент мне очень хотелось пой-

мать эту необыкновенную щуку.

– Щуку поймал, – прочитав мои мысли, сказал брат, когда мы тащили старую лодку по берегу к воде. – А чего ж мы будем есть в пути? Только уху и будем!

Плавание к концу реки обещало быть долгим, поэтому терять время на прощание с бабушкой нам было жалко. В этом деле каждая минута очень дорога. Плыть легко, поплывем по течению, река сама принесет нас туда, куда нужно.

– Очень здорово придумано! – радовался я, когда осознал, что в нашем плавании ничего не придется делать. Лови себе рыбу, смотри на небо и наслаждайся жизнью. Все сделает река.

В тот день, который мы выбрали для путешествия, погода была неустойчивая. То выглянет солнце, то начнет поддувать холодный ветер. «Ничего в этом нет необычного, – уверял меня Джим, – весна – самое непонятное время года. Но если прислушаться к пению птиц, то станет понятно, что все хорошо». С этой мыслью мы погрузились в лодку и старой корягой оттолкнулись от берега. Лодка, несмотря на потрепанный вид, поплыла легко. Мы знали, что принадлежит старая посуда соседу дяде Вите. У него был большой мясистый нос, небритые щеки, складка на лбу и волосатые уши. Бабушка иногда его называла «старый Пью», видимо намекая на непростое пиратское прошлое. Но если он и был когда-то пиратом, то совершенно безобидным, его даже старая дворняга Пакля не боялась. А пугливей ее нет существа на

нашей улице. Старый Пью на нас точно не обидится, когда мы привезем ему немного денег, которые получим за важное для человечества открытие. Мы кричали от счастья, когда лодку вынесло на середину реки и она потихоньку начала набирать скорость, плывя по течению Рыбицы. От романтических мыслей меня отвлекали только командирские окрики Джима и навязчивый вопрос, который крутился в голове: «Когда будем ловить щуку?»

Очнулся я только когда ногам стало холодно и противно. Но было поздно. Джим орал, как будто его резали, и прыгал по скамейкам, предназначенным для гребцов. Я сидел на корме и с трудом осознавал, что мои ноги по колено в воде.

– Мы тонем! – визжал Джим. – Чего сидишь?!

Я не понимал, что делать, но сохранял спокойствие. Джим скакал на узкой доске и орал хриплым голосом. Вода неприятно холодила коленки, и, чтобы избавиться от этого ощущения, я решил тоже забраться на банку, которой заканчивалась корма. В правом борту прогнила доска, и через образовавшуюся щель, которую мы не заметили, сочилась вода. То ли оттого, что я встал, то ли оттого, что Джим слишком рьяно прыгал, лодка качнулась в сторону, я успел за что-то ухватиться, а брат, поскользнувшись, полетел за борт. Это была настоящая катастрофа! Он отчаянно орал и бил по воде руками. Мокрая одежда тянула его вниз. Так продолжалось некоторое время. Джим, захлебываясь, продолжал кричать, время от времени ныряя под воду. Лодку несло по течению.

Я испугался не на шутку и тоже стал орать. Но из меня выходили только выдохи ужаса. От холода я стучал зубами, топтался на кормовой банке и не понимал, что нужно сделать. Посудину качало из стороны в сторону. Весел в лодке не было, ведь мы собирались плыть по течению! Когда казалось, что спасения нет, на дне лодки я увидел ту самую корягу, которой мы отталкивались от берега. Схватил, протянул один конец хрипящему и булькающему Джиму, молотящему по воде в отчаянных попытках схватить борт лодки, еще больше отталкивая ее от себя. Коряга помогла. Джим изо всех сил заорал: «Тяни!» Силы мои были на исходе, я и сам еле-еле стоял на ногах. Мне казалось, что прошла вечность, пока я, стиснув зубы, затаскивал Джима в лодку. Обессиленные, мы оба рухнули на банки, но на этом катастрофа не закончилась, вода через щель в борту наполнила лодку, и, едва выдохнув, мы оба снова оказались в реке.

Брата я не видел, видел только больших черных людей – да и люди ли это? – которые огромными факелами жарили мне пятки. Я лежал на животе на широкой лавке, раскинув руки в стороны. Какой-то странный гул все время мешал сосредоточиться. Огромные черные мужики подходили с двух сторон, в руках у них факелы горели ярким красным пламенем. Свет метался по их лицам, но черты все равно расплывались, и я ничего не мог разглядеть. Каждый из них одной рукой крепко держал мою ногу, а другой подносил огонь прямо к пятке. Жарко становилось не сразу, сначала тепло.

Но потом боль стала такой нестерпимой, что я от стонов перешел к крику. Мой собственный крик и вывел меня из оцепенения.

В комнате было темно, в печи горел огонь. Душновато. Я скинул с себя тулуп, которым оказался накрыт, и увидел, как рядом с печью дядя Витя, тот самый Пью, руками разламывает полено на две части.

– Проснулся, постреленыш, – пробурчал Пью, и только тут я понял, что под тулупом лежу совершенно голый. На веревке рядом с печкой сушились мои штаны, свитер и куртка.

– А где Джим? – спросил я.

– Кто?! – удивился Пью. – Кого ты потерял? Колотит тебя, болезный, не дай бог подхватишь воспаление! Водолазы, етит вашу мать.

Я сел на лавке и огляделся. Изба Пью была небольшой. В углу стоял стол, накрытый клеенкой. У стены старый телевизор, антенна от него торчала в открытую форточку. На подоконнике два горшка с разросшимися цветами, я узнал герань. Такая и у бабушки есть, только здесь она очень неухоженная. На стене виднелась фотография в бумажном паспорту – двое, обнявшись, сидят на фоне ковра. Ковер, кажется, тот же самый, что и сейчас висит. Комнату от сеней отделял дверной проем с двумя занавесками. В сумерках разглядеть можно немного. Про Пью говорили, что он все делал в одиночку: и жил, и пил. Бабушка иногда с ним ругалась через забор, но на улице он почти не показывался. Скрипнула дверь,

кто-то вошел в сени, потопал ногами, как будто отряхивал снег. Так деревенские делают зимой, но сейчас-то весна! Видимо, по привычке. Хотя я не понимал, сколько времени лежу в комнате Пью. Но не мог же я лежать целый год. Занавески раздвинулись, и в проеме показалась бабушка.

— За водолазом пришла? — спросил Пью, не поднимая головы и продолжая шебуршать кочергой в печке. — Как оклемается, не забудь ремня поддать первым делом.

— Поучи меня! И так вся на нервах! Хоть жив? — испуганно спросила бабушка.

— А то! Малой вон уже оклемался под моим тулупом, — мотнул головой Пью. — Учуеть спирт, не серчай, я влил стопочку. Иначе никак. Хорошо Пакля меня вовремя позвала. Сам, как видишь, сушусь весь.

Только тут я увидел Паклю: забившись под лавку, она тихо скулила. Пакля вовсе не была бездомной собакой, как мне казалось раньше, хозяином ее оказался как раз нелюдимый Пью. Собака заменяла ему семью, друзей и собутыльников. Она же служила и ночным сторожем хибары этого отшельника, и наблюдателем окрестностей. Через неделю я принес ей кусок колбасы в благодарность за наше спасение. Если бы не дворняга и не смелость дяди Вити, лежать бы нам с Джимом на дне Рыбицы и кормить собой непойманную щуку.

Пакля заметила нас в самом начале, когда мы с Джимом тащили лодку к воде. Понятно, что отговаривать нас в тот момент было бесполезно, поэтому она и поспешила к хозя-

ину предупредить об опасности. Трудно представить, как он бросился нас спасать и в несколько гребков на соседской лодке доплыл до середины реки. Пью мне казался худым, тщедушным старикашкой – откуда только силы взял на такое героическое спасение. Лодка его так и ушла на дно, зато мы с Джимом остались живы. Бабушка после принесла ему в подарок бутылку водки и долго о чем-то разговаривала. Мы с Джимом подсматривали за ними в окно. Они сидели за столом, не зажигая света, и переговаривались вполголоса. Пью опрокидывал свою стопку и закусывал кусочками сала из железной тарелки. Бабушка выпила только один раз, а все остальное время теребила платок. Они разговаривали, не глядя друг на друга, а когда бабушка ушла, Пью поднял ее стопку, перекрестился и выпил. Больше мы про тот случай с нашим утоплением никогда не вспоминали, но к отшельнику Пью стали относиться с уважением.

Соседи думали про бабушку разное. Кто-то считал ее ужасно чопорной и себе на уме, кто-то, наоборот, говорил, что добрее ее не найти. От всех соседок она сильно отличалась. В доме с крашеной коричневой крышей жила Лопушиха. Не знаю, почему ее так звали, видимо, это было как-то связано с фамилией. Или с ушами. У этой высокой худой женщины с длинным лицом и редкими волосами были большие уши. Она была очень вредная старуха.

– Ваши совсем обнаглели! – кричала она бабушке, когда мы играли с Джимом в футбол рядом с клумбой, на которой

росли любимые лопушинские ирисы. – Целыми днями слоняются и топчут мне цветы!

Бабушка иногда делала круглые глаза и удивленно спрашивала: «Опять потоптали?! Ну все, я задам им трепку! Как вы думаете, чем можно отпороть так, чтоб на всю жизнь осталось?»

А иногда срывалась на Лопушиху так, что даже мы удивлялись: «Чего ты орешь на всю улицу, глупая баба?! Чего ты пристала к пацанам?! Да я бы на их месте наворовала карбиду на стройке и взорвала бы твою вонючую клумбу к хренам собачьим!» В этих отрывочных перебранках бабушки и Лопушихи содержалась негласная инструкция по нашим дальнейшим действиям. В этих случаях мы ловили каждое бабушкино слово. Правда, бабушка, приходя в спокойное состояние духа, говорила нам: «Мужики, ну чего вы прицепились к этой паучьей клумбе, ну отойдите на десять метров в сторону и пинайте свой мяч сколько здоровья хватит! Нет сил уже с ней разбираться!» Мы кивали головами: «Конечно, бабуль, отойдем. Больше не будем с ней связываться». Но через пару дней все повторялось сначала, и новый диалог с Лопушихой зависел от бабушкиного настроения.

Часто к нам в гости приходила соседка Люся. Она была студенткой какого-то специального института, который изучал старых людей. Она называла себя «геронтолог будущего». И это у бабушки вызывало смех: «Будущего еще не было, а вы его уже состарили, геронтологи-проктологи!» Этой

своей шутке бабушка очень радовалась. И каждый раз, когда Люся напрашивалась к ней на беседу по своему институтскому заданию, бабушка говорила нам: «Оденьтесь прилично, геронтолог-проктолог в гости идет!» И снова начинала хохотать. Люся очень любила общаться и с бабушкой, и с нами.

– Скоро наступит время, – рассказывала нам Люся, – когда никто не будет умирать.

– Как это? – спрашивали мы удивленно.

– А так! Каждого человека в Европе сейчас заносят в матрицу.

– Куда? – Я тогда не понимал этих высокоученых слов.

– В матрицу. Ну, это такая специальная виртуальная сеть, где все мы живем. – Люся изо всех сил пыталась найти нужные слова.

– Я не живу ни в какой сети, – твердо сказал я.

– И я вроде не живу, – сказал Джим.

– Вы просто не понимаете. Там уже изобрели Сеть. Знаете, что такое сеть? – Люся не оставляла надежды рассказать нам про матрицу.

– Ну, допустим, знаем. Изобретатели! – засмеялись мы. – Вон, вдоль Рыбицы этих сетей навалом.

– Нет, это не такие сети. Хотя, наверное, немного похожи. Так вот, матрица – это вроде сети. Вы своим сознанием в ней присутствуете. Каждый узелок – это человек, ну, его сознание. Оно соединяется с другим сознанием. Как бы ваш мозг подключен к другому мозгу и по этому подключению пере-

дает другому человеку информацию. Тот – следующему, и так – все мозги на Земле объединены в единую сеть.

– А тело? – спросил Джим.

– Какое тело? – не поняла Люся.

– Ну, ты говоришь, что мозги будут связаны, а тела? Что будет с телами? – живо интересовался Джим.

– Тела несущественны. Это просто оболочка, – отвечала Люся. – Они исчезнут сами собой, потому что не представляют никакого интереса. Как фантик от конфеты.

Но я-то знал, что Люсино тело как раз и было предметом интереса Джима. Вся ее студенческая фигуристость и глубокое декольте вызывали в нем душевный трепет. Не нужно никаких доказательств, достаточно было просто посмотреть на Джима каждый раз, когда он замирал, глядя на Люсины впадины и выпуклости в обтягивающей юбке. Глаза у него становились масляными, а движения замедленными. Обращаться к нему в этот момент было бесполезно, потому что он ничего не слышал. Поэтому ученые разговоры с Люсей вел в основном я, Джим молчал.

– То есть получается, что нас нет, а мозги наши работают, так что ли?

– Вроде того, только нельзя так сходу говорить, что нас нет. Ведь мы – это и есть наши мозги. Я вот читала одну фантастику...

– А что такое мозг? – перебивал ее я. – Он что, не исчезает после того, как мы умрем? – Я честно старался понять

все хитросплетения ученой теории по нашему будущему существованию в матрице.

– Мозг как материя исчезнет обязательно, высохнет. Там же одна вода! – закатив глаза, отвечал мне геронтолог будущего.

– Никакая не вода! – пытался я сопротивляться. – А что тогда останется?

– Ты что, не понимаешь? – вышел из своего подвешенного состояния Джим. – Отстань от девушки! Ей готовиться нужно.

Мне было очень интересно, чем думает человек. Если вода – это и есть наш мозг, то, может, речка Рыбица – это мозг Земли? Осталось только понять, как подключить наш мозг к Рыбице, и мы поймем все на свете, узнаем, о чем думает планета, и будем предвидеть все катастрофы! Это стало моей мечтой на многие годы. Но даже в зрелом возрасте такой способностью я обладать не мог. А вот Гоген мог.

Вообще-то, его звали не так. Гогена придумала бабушка. У нее была страсть к иностранным именам.

– Никакая не страсть, – парировала она, когда мы спросили ее об этом. – Поживете с мое, научитесь и вы. У каждого человека есть имя по паспорту, а есть имя по сути. Вот наша соцработница – ну разве Нина? Да у меня язык не повернется ее Нинкой назвать. Тьфу, а не имя!

К бабушке один раз в неделю приходила расфуфыренная тетка, которая дежурно спрашивала ее о состоянии здоровья,

продуктах в магазине и помощи по дому и, получив на все вопросы твердое «ничего мне не надо», убиралась восвояси, оставляя после себя шлейф стойких гвоздичных духов «Новая заря».

– Не Нинка она вовсе, а Жизель! Вот Жизелькой, да, я ее назову запросто. Вот и Сенька наш – вылитый Гоген! Я вам точно говорю.

Наш сосед Гоген жил с красивой и неразговорчивой женщиной. Он точно знал, что будет на свете. К нему вся улица ходила за гаданиями и прогнозами.

В теплую погоду взрослые со всей улицы подтягивались на автобусную остановку напротив продуктового магазина. Обсуждали последние новости, политику и знаменитых артистов. Гоген почти всегда был в центре внимания. Со временем соседи забыли, как его зовут на самом деле, бабушкины имена быстро приклеивались к людям. Спорить с ней никто не решался.

– Весна в этом году будет затяжная, – рассказывал Гоген соседям. – Видите, скворцы танцуют? Вон один лапку поджимает, а второй круги вокруг него нарежает. Это значит, вот тот уже готов взлететь, а второй не дает, погоди, говорит, время еще не пришло. Не подтянулась еще весна в наши края.

– А что с валютой будет? – спрашивала Гогена Рыжая Зинка, муж у нее был предпринимателем.

– У тебя валюта, что ли, есть? – смеялся Гоген. – И на хре-

на она тебе нужна? Мои источники говорят, что деньги несут негативную энергию. Чем больше денег, тем больше негатив тебя пожирает. Про черные дыры слышала? Они пожирают всю землю. А деньги – нас. Вот так и живем, кто-то что-то обязательно пожирает.

– Скажешь тоже! – Зинка была явно не удовлетворена ответом местного пророка.

– Гоген, я тебя вот что спрошу, ты все знаешь, да? – Иногда к магазину подтягивался старик Пью с целлофановым пакетом. Он по привычке всегда носил с собой пакет, мало ли что придется положить.

– Ну, все знать, конечно, невозможно, – кокетливо разминал сигарету Гоген. – Но кое-что знаю. В органах научили. Да и источники у меня проверенные, академики там разные звонят, ученые.

– А ты прям в органах служил! – Зинка сомневалась в серьезном гогеновском прошлом.

– Тогда скажи, брат, почему одни люди бывают несчастными, а другие как сыр в масле катаются? А? – Если Пью начинал задавать такие вопросы, все понимали, что это только прелюдия и разговор будет обстоятельным.

– Ответ, Витя, очень простой. – Гоген сильно затянулся сигаретой и медленно выпустил дым вверх. – Несчастные – это те, кто не может с собой справиться. А счастливые могут. Вот и весь секрет.

– Справиться? Это как? – заерзала от волнения Рыжая

Зинка.

– Например, хочется тебе чего-то, Зинка, так сильно, что даже в спине чешется. Бывает так?

– Ну, бывает иногда.

– Вот! А что ты делаешь?

– Когда как, – отвечала Зинка. – Иногда к Сережке иду, прошу его, подлизываюсь, он поворчит-поворчит, да и купит.

Сережка был ее мужем и местным Ротшильдом, самым богатым в поселке, занимался разными бизнесами, которые сам себе придумывал.

– Ну, Зин, мы с тобой в разных мирах живем. – Пью снял свою кепку и почесал в затылке. – У тебя все счастье – в покупках. Чего купить, чего не покупать, сколько чего стоит да где дешевле. А я о другом спрашиваю. О настоящем счастье, понимаешь?

– Я тебя понимаю, брат, – прервал их спор Гоген. – Но говорите вы об одном и том же. Бывает, человек места себе не находит, если берет его в свои клещи какая-нибудь страсть. Ну вот Зинаиду нашу берут за душу покупки. Тебя, ты уж прости, водочка временами захватывает. Люсьен, наша красотка, молодая еще, ее любовные страсти волнуют. У кого что, в общем. И все мы справиться с собой не можем.

– Я в последнее время и не пью вовсе, – обиделся Пью.

– И молодец, значит, сильнее становишься, – глубокомысленно заключил Гоген. – Человек хоть и разумное существо,

но справиться со своими слабостями ему непросто.

– Хорошо сказал, Гоген, – включалась в разговор бабушка. – Сила со слабостями не справляется, но слабость силе все ж таки подчиняется.

– Иногда! Из этого и состоит наше бытие – единство и борьба противоположностей! И каждый день одно и то же.

– Понятно, – выдохнул Пью. – Все, значит, хотят быть святыми!

– Да, – хмыкнул Гоген. – Все хотят быть хорошими, но само это желание плохое, потому что сильно мешает жить, заставляет во всем сомневаться, оглядываться, перестраховываться, грешить и снова каяться, и так по кругу. Вот и разбирается во всей этой круговерти простой человек.

– В общем, так, голову нам не морочь, скажи лучше, что делать с гречкой? Цены поднимутся или нет? – прервала этот философский диспут бабушка. – Я завтра в магазин наладилась, да не знаю, брать впрок или не надо.

– Сто процентов надо, – сказал Гоген твердо, и это был его самый точный прогноз в этот день.

– Вот про гречку и рассказывай, Гоген, а мозги людям не пудри, – подытожила бабушка.

Рыжая Зинка после того разговора решила бороться со своими слабостями всерьез. Самое трудное для нее – разобраться со своими желаниями и понять, где слабость, а где жизненная необходимость. Почему-то она выбрала бабушку своим наставником в этом трудном деле. Сначала приходила

к нам за солью, потом за мукой, потом спросить рецепт вишневого пирога, потом принесла бабушке крыжовниковой настойки от своего Ротшильда. И каждый раз их встречи затягивались все дольше и дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.